

Дойл А.К.¹

За волшебной дверью²

Перевод Кунина В.В.

Пусть бедна ваша книжная полка, пусть украшает она скромное жилище. Затворите изнутри дверь комнаты, оставьте внешнему миру все его заботы, отрешитесь от тревог в обществе Великих Мертвецов — и, миновав волшебный портал, вы окажетесь в прекрасной стране, куда не дано проникнуть беспокойству и раздражению. Всё низкое, всё пошлое вы оставили позади. Здесь, ожидая вас, стоят рядами ваши благородные молчаливые друзья. Обведите взглядом их строй. Выберите того, который сейчас всех ближе душе вашей. Теперь остаётся только протянуть к нему руку и отправиться вместе с ним в страну мечты. Право же, есть нечто жуткое в книжных шеренгах, и лишь привычка притупляет в нас это ощущение. Каждая книга — мумия души, облачённая в погребальные одежды из кожи и типографской краски. За переплётом любой настоящей книги скрывается как бы эссенция живого человека. Авторы обратились в бесплотные тени, плоть их — в летучий прах, но самое сокровенное, оставшееся от каждого из них, — здесь в вашем распоряжении. И снова лишь привычка не позволяет нам вполне оценить то удивительное счастье, которым мы имеем возможность наслаждаться. Представьте, что мы вдруг узнали: Шекспир воскрес и готов уделить любому из нас час своей мудрости и своего

¹ Артур Конан Дойл (1859-1930). Английский романист, автор рассказов о сыщике Шерлоке Холмсе.

² Впервые отрывки из печатаемой работы в русском переводе процитированы А.М. Ловягиным («Альманах библиофила». Л., 1929 «За магической дверью»).

воображения. О, как бы мы стремились к встрече с ним! А ведь здесь он — всё лучшее, что в нём было, — каждый день рядом с нами, но мы даже не всегда даём себе труд позвать его к себе. В каком бы настроении человек ни переступил порог волшебной двери, величайшие люди мира разделят с ним это настроение. Если он задумчив — к нему придут короли мысли, если он грезит — короли мечты. А может быть, ему хочется развлечений? Тогда он волен обратиться к любому из величайших рассказчиков мира, и давно ушедший из жизни гений займёт его воображение. Общество мёртвых может оказаться настолько притягательным, что человек станет слишком редко думать о живых. Многим из нас следует всерьёз опасаться, что, погруженные в наследие мертвецов, мы никогда не узнаем собственных мыслей и чувств. И всё же романтика и переживания, полученные из вторых рук, безусловно достойнее той иссушающей скуки, на которую обрекает жизнь большую часть рода человеческого. Но прекраснее всего, когда мудрость мёртвых и их пример дают нам силу и терпение, чтобы пережить тяжкие дни нашей собственной жизни.

Пойдёмте со мною за волшебную дверь, сядьте на зелёный диван, отсюда вам виден будет старый дубовый шкаф с неровной линией томов. Можете курить. Согласитесь ли выслушать мой рассказ о книгах? Нет для меня ничего приятнее, ибо каждый том здесь — мой близкий друг, а о чём, если не о друге, можно говорить с большим удовольствием? Прочие книги стоят там, выше, а здесь — мои любимцы, те, которых я всегда держу под рукой и перечитываю. Здесь каждый потрепанный переплёт навевает мне приятные воспоминания.

Покупка многих из них потребовала жертвы, от которой обладание делается ещё слаще. Видите ряд старых коричневых томов внизу? Каждый из них — мой завтрак. Я покупал их в студенческие годы, в не очень изобильные

времена. Три пенса — такова была скромная сумма, ассигнованная мною в полдень на сэндвич и стакан пива; но судьбе было угодно, чтобы по пути на занятия я проходил мимо самого замечательного книжного магазина на свете. На улице у двери в магазин стоял большой бочонок, наполненный постоянно меняющимися потрёпанными книгами; объявление над ним гласило, что любую из них можно приобрести за те самые три пенса, что были у меня в кармане. Когда я подходил к магазину, разыгрывалась отчаянная битва между голодом полного сил юного тела и жаждой пытливого всепожирающего ума. В пяти случаях из шести побеждали животные инстинкты. Но когда я всё же отдавал предпочтение духовным потребностям, наступали прекрасные минуты: я рылся в старых альманахах, томах шотландских теологов и таблицах логарифмов до тех пор, пока не находил нечто такое, что с лихвой оправдывало потраченное время. Просмотрите корешки на этих полках, и вы увидите, что мой выбор был не столь уж плох. Четыре тома гордоновского Тацита³ (жизнь слишком коротка, чтобы читать в оригинале, если есть хороший перевод), эссе сэра Уильяма Темпля, произведения Аддисона, свифтовская «Сказка бочки»⁴, «История» Кларендона⁵,

³ Корнелий Тацит (ок. 55 - после 117) — римский историк. Его «История» повествует о событиях царствований Гальбы, Оттона, Вителлия, Веспасиана, Тита и Домициана (дошли только первые четыре с половиной книги), «Анналы» (Временники) — история Юлианской династии после Августа (сохранились первые четыре книги и фрагменты пятой и шестой).

⁴ «Сказка бочки» (1697, напечатана в 1704) — одно из первых сатирических произведений Свифта.

⁵ Эдвард Гайд, лорд Кларендон (1609-1674) — английский правовед, мемуарист, государственный деятель и историк; лорд-канцлер (1660-1667); автор «Истинного исторического повествования о Смуте и Гражданских войнах в Англии» (напечатано в 1702-1704).

«Жиль Блас», стихотворения Бекингема⁶ и Черчилля⁷, «Жизнь Бэкона»⁸... Неправда ли, недурно для старого бочонка с трёхпенсовыми книгами?

Эти книги не всегда были в столь убогой обстановке. Взгляните на плотную кожу переплётов, на потускневшее золото заглавий. Когда-то они украшали полки какой-нибудь славной библиотеки и даже здесь, среди случайных альманахов и проповедей, сохраняют следы бывшего величия, словно поношенное шёлковое платье бывшей светской дамы, ныне опустившейся, но прежде великолепной. В наше время благодаря дешёвым изданиям в бумажных обложках и публичным библиотекам стало слишком легко читать. Человеку свойственно недооценивать то, что достаётся ему без усилий. Кто теперь чувствует ту лихорадку, которая терзала Карлейля, когда он мчался домой с шестью томами «Истории» Гиббона в руках? Его мучимый жаждой разум готов был поглотить эти тома по одному в день. Теперь иные времена: книга становится вашей раньше, чем вы можете по-настоящему оценить её; если же человек не потрудился как следует, чтобы добыть желаемое, он не почувствует радости обладания.

* * *

...А теперь, мой терпеливый друг, настало время нам расставаться, и Я надеюсь, что мои короткие проповеди не слишком вам наскучили. Если я привёл вас туда, где вы раньше не бывали, то убедитесь в правильности пути и двигайтесь дальше. Но, быть может, моя попытка была

⁶ Бекингэм — Джордж Вильерс герцог Бекингэмский (1628-1687) — английский поэт. Его лучшая пьеса — «Репетиция» (1663), которую часто ставили в XVIII в. Сиббер и Гаррикс.

⁷ Чарльз Черчилль (1731-1764) — английский сатирик.

⁸ «Жизнь Бэкона» — неясно, о какой книге здесь говорится. Возможно, это сочинение Ш. де Ремюза «Бэкон: его жизнь, эпоха, философия и воздействие на нашу эпоху» (по-фр., 1857), или книга Дж. Л. Крэйка «Бэкон, его сочинения и философия» (1846).

тщетной? И в этом нет ничего страшного, пусть даже мои усилия и ваше время были потрачены зря. Возможно, я допустил великое множество ошибок, однако разве неточное цитирование не есть привилегия рассказчика? Мои суждения могут резко отличаться от ваших, и то, что нравится мне, может быть вам не по сердцу; однако думать и говорить о книгах всегда прекрасно, к чему бы это ни привело. Пока что волшебная дверь всё ещё закрыта за нами. Вы ещё в чудесной стране. Но, увы, хотя мы и заперли эту дверь, мы не можем её запечатать. Раздаётся удар дверного колокольчика, телефонный звонок, зовущий вас назад, в убогий мир тяжкого труда, людской суеты и повседневной борьбы. Что ж, это реальный мир, а книги — только имитация жизни. И всё же теперь, когда дверь распахнута и мы вместе выходим наружу, разве не смелее встретим мы нашу судьбу, храня в сердце всё то спокойствие, мир и доброту, какие нашли за Волшебной Дверью?